

Подводные памятники Абшерона и роль Хазара (Каспия) в определении возраста Баку

К. Ф. Ибрагимов¹

*Администрация Государственного историко-архитектурного заповедника
«Ичеришехер», AZ1000
Баку, Азербайджан*

Аннотация

Смена трансгрессий и регрессий Каспия приводила к тому, что эти следы попеременно оказывались то на морском дне, то на суше. И, конечно, эти следы прошлого надо искать на тех глубинах, которые временами становились сушей. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая жизнь моря за многие тысячелетия и века, а затонувшие суда и их такелаж позволяют пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

Ключевые слова

Абшерон, Ичеришехер, Хазар, Каспий, подводные памятники, археологические раскопки.

Для цитирования

Ибрагимов К.Ф. Подводные памятники Абшерона и роль Хазара (Каспия) в определении возраста Баку // Universum Humanitarium. 2021. № 1. С. 41–59

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-41-59

Underwater monuments of Absheron and the role of Khazar (Kaspia) in determining age Baku

K. F. Ibrgaimov

*Administration of the State Historical and Architectural Reserve "Icherisheher", AZ1000
Baku, Azerbaijan*

Abstract

The alternation of transgressions and regressions of the Caspian Sea led to the fact that these tracks were alternately found on the seabed, then on land. And, of course, these

¹ В ходе работы над статьей уважаемый К. Ф. Ибрагимов скончался от COVID-19. Редакция журнала *Universum Humanitarium* приносит искренние соболезнования родным, близким и коллегам автора. Статья публикуется в последней рабочей редакции.

traces of the past must be looked for at those depths that at times became dry land. The identification of these monuments provides valuable material on the history of the peoples who inhabited this water basin, reflecting the life of the sea for many millennia and centuries, and sunken ships and their rigging allow shedding light on the issues of ancient navigation in the Caspian.

Keywords

Absheron, Icherisheher, Khazar, Caspian, underwater monuments, archaeological excavations.

For citation

Ibrgaimov K. F. Underwater monuments of Absheron and the role of Khazar (Kaspia) in determining age Baku // Universum Humanitarium. 2021. № 1. P. 41–59

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-41-59

Введение

Бассейн Каспийского моря занимает большую часть на территории Восточной Европы. За свою историю Каспийское море не раз меняло очертания своих береговых линий, многие века назад потерявших связь с Мировым океаном.

Для Каспия характерны периодические вековые и тысячелетние колебания уровня воды (см. рисунок). Трансгрессии и регрессии Каспия уже давно привлекают внимание ученых. В графике колебаний моря ученые стремятся выявить закономерности его колебательных стадий, что могло бы им помочь в прогнозировании дальнейших изменений. В решении этих проблем важным аспектом всегда было изучение археологических и исторических памятников побережья, а также подводных объектов. Высокая вероятность существования подводных археологических памятников Каспия объясняется тем, что в историческом прошлом, когда сменялись периоды трансгрессии и регрессии Каспия, человек селился на берегу и оставлял следы своей деятельности, которые за многие века и тысячелетия оказывались то на морском дне, то на суше. И, конечно, следы этого прошлого надо искать на тех глубинах, которые когда-то были частью суши. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая жизнь моря за многие столетия, а затонувшие суда и их такелаж позволят пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

Надо отметить, что до сих пор многие ученые и специалисты с осторожностью говорят об античном периоде Баку. Такое отношение до сегодняшнего дня объясняется ограниченным объемом источ-

ников античного периода в Ичеришехере. С.Б. Ашурбейли, Д. Ахундов, Ф.А. Ибрагимов и другие в научных трудах представили свою аргументацию существования в Баку поселений античного периода. Новые археологические данные, обнаруженные в Ичеришехере, еще раз подтвердили это предположение. Высокая плотность архитектурных памятников, а также осуществление на сегодняшний день повседневной жизнедеятельности на территории объектов не позволяют вести широкомасштабные археологические раскопки. Археологические исследования в основном ведутся на улицах, в местах разрушений.

В связи с реконструкцией и строительством новых высоких зданий, особенно в конце XIX в. и начале XX в., древние культурные слои в городе были нарушены. Это усложнило работу по выявлению культурного слоя, относящегося к более древнему периоду. С другой стороны, наскальный слой песка, заменяющий землю, также создает сложность с точки зрения исследования культурного слоя.

Материалы

С начала прошлого века и до сегодняшнего дня стационарными археологическими раскопками выявлены три культурных слоя. Первый культурный слой охватывает период от античности до IX в.; второй IX–XIII вв. и третий XIII–XVII вв. Остатки материальной культуры, обнаруженные в результате археологических раскопок, проведенных в 1980-е гг. в Ичеришехере, не позволяли считать Баку древнее чем IX в. Это было связано с тем, что археологические раскопки велись на возвышенных местах города [Ибрагимов, 2008. С. 61].

Древний Баку – Ичеришехер – находился на большой скале с уклоном в сторону моря. Дворец Ширваншахов и окрестности считаются самыми высокими местами скалы. Это четко видно на плане, нарисованном русскими инженерами в 1904 г. в Ичеришехере. Археологические раскопки, проводимые в течение долгих лет, подтверждают это предположение. Было установлено, что под культурным слоем толщиной 4,5 м находится природная скала, материк. На этом участке выявляются археологические материалы, относящиеся к IX–XVII вв.

Другая высокая часть скалы находится в районе караван-сарая Мултани и Девичьей Башни. Культурный слой под караван-сараям Мултани не превышает 3 м, и это подтверждает, что Девичья Башня построена на самом высоком месте скалы с наклоном к морю. Этот условный треугольник четко виден на макете Ичеришехера. Один

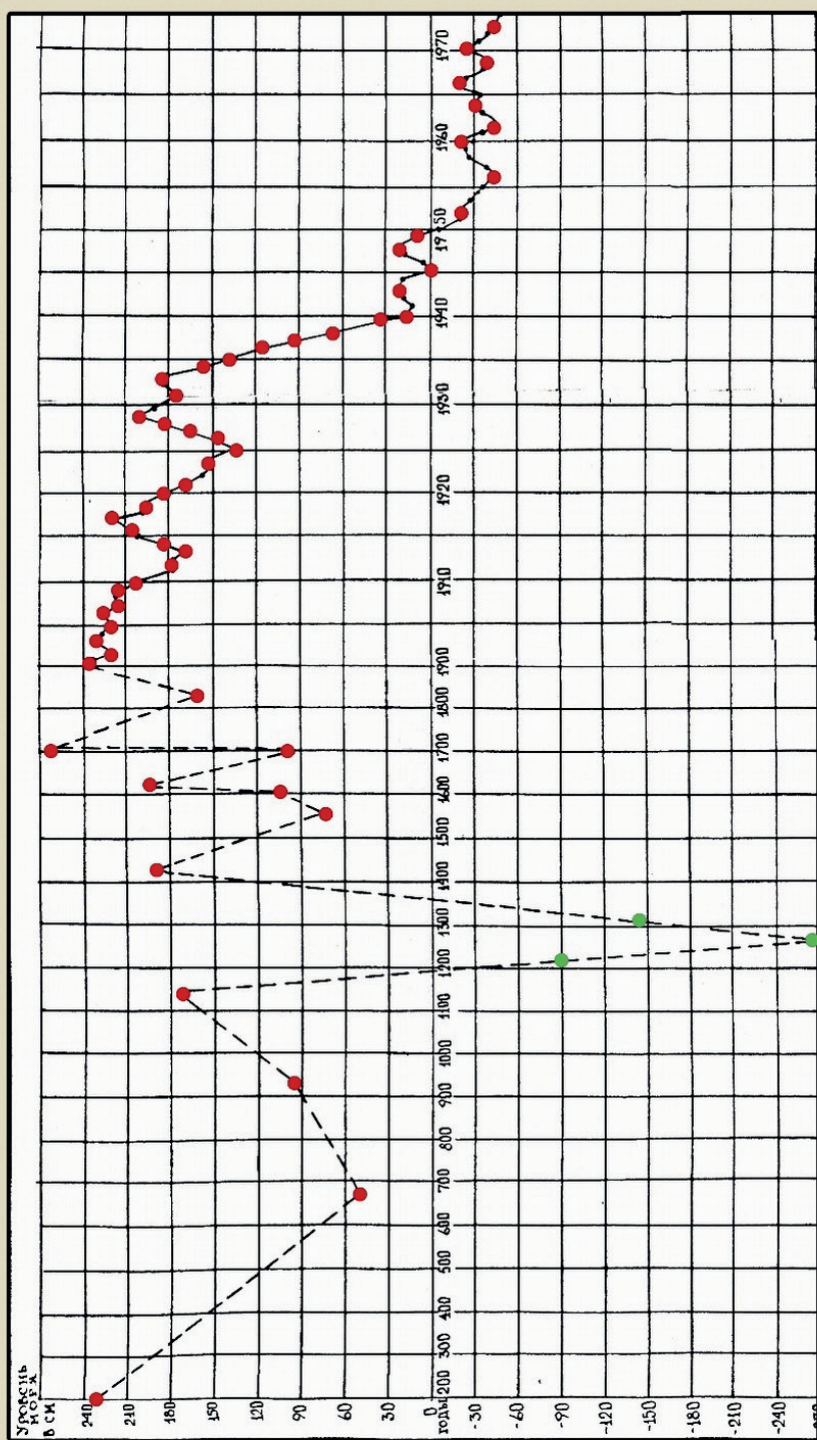

График смены трансгрессий и регрессий Каспия
The graph of the change of transgressions and regressions of the Caspian Sea

из углов – южный, а западный угол попадает на самое низкое место скалы.

Археологические находки, указывающие на античный период истории города, выявлены вдоль улицы А. Зейналлы, Девичьей Башни и в районе мечети Мухаммеда – т.е. в прибрежном районе города.

Так как Ичеришехер находится на территории, имеющей особое географическое значение в образовании Апшерона, можно предположить, что первое поселение здесь появилось еще в II–I тыс. до н. э.

Гобустанские памятники рядом с Бакинской бухтой, поселения эпохи бронзы и раннего железного века в районе Апшерона, курганные могильники, а также памятники раннего средневековья позволяют предположить, что в Ичеришехере и рядом расположенных территориях существовали поселения в античное время.

Древние карты устойчиво демонстрируют перемены в уровне воды в Каспийском море в различные периоды. Так, в II тыс. до н. э. уровень воды было настолько высок, что Кура-Аракская низменность оставалась под водой. Смена трансгрессий и регрессий Каспия приводила к тому, что эти следы проживания человека оказывались то на морском дне, то на суше. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая тем самым изменения уровня моря за многие столетия, а затонувшие суда и их такелаж позволяют пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

С. Велиев писал, что в течение последних 3600 лет уровень Каспийского моря опускался и поднимался по шкале в каждые 450–500 лет, т. е. падение и подъем имеют продолжительный характер. Исследователи разделяют цепочку падения и подъема уровня Каспийского моря на восемь периодов.

Середина XIII в. до н. э.

Середина XIII – VIII в. до н. э.

Середина VII – III в. до н. э.

Середина III – II в. до н. э.

Середина II – VII в. до н. э.

Середина VII – XII в. до н. э.

Середина XII – XVI в. до н. э.

Середина XVII – XXI в. до н. э.

На основе археологических исследований и известных дат понижения уровня воды в Каспийском море представляется возможным определить уровень воды в бассейне Каспия на разных исторических

этапах, а также периодичность таких изменений [Ибрагимов, 2008. С. 21].

Как видно из графика падения и подъема уровня Каспийского моря по отношению к уровню океана, заселение набережной территории было связано с этими колебаниями. Когда море отступало, прибрежные районы заселялись людьми, спустя несколько веков заселенные места оставались под водой из-за подъема уровня воды. Средневековые поселения, оставшиеся под водой, такие как Бандован I (Гюштесби), Бандован II (Мугань), мыс Амбуран, Гурган (Балыгдаш), выявленные подводной археологией в прибрежной части Каспийского моря, являются яркими примерами. Недавно выявленные материалы в Бакинской бухте позволяют рассчитывать на наличие богатого материала античного времени между крепостью Сахиль и прибрежной морской территорией.

Несмотря на то что в античных письменных источниках было мало информации о связях Кавказской Албании с сопредельными странами, Страбон, однако, упоминал о караванном пути по западной набережной Каспия, ведущие с юга: «Они – аорсы занимались караванной торговлей, перевозя индийские и византийские товары на верблюдах». Вероятно, изображения верблюдов на наскальных изображениях в Гобустане имеют отношение к этому предположению. Большой интерес вызывает сообщение автора II века н. э. Клавдия Элиана, связанное с караванным путем. Он писал, что в каспийском море живет длинноносая рыба, их жир употребляется в изготовлении мазей, из внутренности готовят прозрачный клей, а самих рыб просаливают и высушивают, затем на верблюдах отправляют в Экбатан. Становится ясно, что древние караванные пути проходили из Албании, Мидии и доходили до Ирана.

Страбон также сообщает о морском торговом пути, тесно связанном с Гобустанским побережьем. Ссылаясь на Аристобула и Эратосфена, он указывает, что информация взята от Патрокла, руководителя экспедиции, изучающей западный берег Каспийского моря.

В результате долгих археологических раскопок на территории Апшерона выяснилось, что археологические материалы античного периода на этой территории очень малочисленны. Однако это не означает, что в античное время эти земли не были заселены людьми. Обнаруженные в Ичеришехере материалы позволяют предположить, что в то время были заселены прибрежные районы Каспийского моря, Бакинская бухта.

Выявленные недавно в результате археологической разведки и исследований вблизи юго-западной крепостной стены Ичеришехера материалы, собранные в течение последних 30 лет, могут быть отнесены к древнему и античному периоду существования памятника. Таким образом, анализ материалов из прибрежной части территории древнего Ичеришехера позволяет указать конкретное место расположения античного поселения. Это территория мечети Мухаммеда, являющегося самым древним памятником архитектуры, Девичьей Башни, Бакинской бухты. Новые находки еще раз подтвердили это предположение.

В течение последних десятилетий XX в., начиная с 1968 г., на Каспийском море и его побережье работала историко-археологическая подводная экспедиция Музея Истории Азербайджана НАНА.

Работы в этом районе позволили локализовать историческую область Ширвана – Гуштасфи (Гуштаспи), которая занимала обширную территорию в устье р. Куры. В районе древнего русла этой реки и у побережья зафиксированы археологические памятники, когда-то поглощенные Каспием – городище Бяндован I и Бяндован II [Исмизаде, 1966. С. 50–57].

Первый памятник (Бяндован I) XI–XIII вв. соотносится со средневековым городом Гуштаспи, второй (Бяндован II) IX–XII вв. – с городом Мугань. Здесь было сосредоточено крупное керамическое производство и другие ремесла. Обнаружены остатки гончарных печей как на суше, так и под водой. Собрано большое количество простой и глазурованной посуды IX–XIII вв. Простая керамика представлена всеми видами бытовой и кухонной посуды. Она изготовлена в основном на гончарном круге из хорошо отмученной сероватой и красноватой глины, отличается тщательностью формовки. Многие предметы украшены налепным, резным и штампованным орнаментом. Некоторые кувшины покрыты красным ангобом, применялась также техника лощения. Большая часть находок в городищах Бяндован I и II составляет поливная, глазурованная керамика, причем посуда городища Бяндован II отличается от подобной посуды городища Бяндован I как по времени, так и по технике и технологии ее орнаментации.

Поливная керамика из городища Бяндован II более просто орнаментирована белым ангобом и марганцем. В основном орнамент состоит из сочетания дуг, овалов и кругов, применялся также точечный орнамент. Ранняя посуда не имеет на своей поверхности гравировки в декоре. Керамика из городища Бяндован I датирована XI–XIII вв. – временем расцвета в Гуштаспи керамического производства.

Она отличается локальными особенностями, многообразием форм и орнаментации. Днища многих блюд и чаш украшены изображениями птиц и животных. Очень распространенным было изображение в центре блюд и чаш голубя или павлина – символа бессмертия; зафиксировано изображение плетеного орнамента, «древа жизни».

Часто встречается изображение львиц или гепардов с загнутыми вверх хвостами, стилизованных под «буту». Прекрасно передана на одном из фрагментов днища фигура оленя с разветвленными золотистыми рогами. На другом блюде в динамическом прыжке застыла лань. Так реалистично передать изображение животного в движении мог только опытный и наблюдательный художник. Несколькими скупыми резными линиями и штрихами, мазками краски создавались яркие образы животного мира [Исмизаде, 1966. С. 30–34; 1971. С. 92–103]. На днищах изделий поливной керамики ставились разнообразные рельефные клейма-марки. Имеются локальные клейма с изображением льва на фоне восходящего солнца, собаки, голубя, джейрана, всадника с соколом, различные переплетения узлов и т.д.

Часть клейм имеют аналогии с клеймами из средневековых городов Азербайджана (Бейлакан, Габала, Баку, Шемаха, Шабран). Некоторые фрагменты поливной керамики имеют на поверхности изделий надписи, донесшие до нас отрывки из восточной поэзии и мудрости, а также всевозможные пожелания покупателю, заказчику. На многих фрагментах глазурованных блюд и чаш сохранились надписи арабским шрифтом. На одной из чаш было имя мастера: «Изготовил чашечник Юсиф». Через несколько лет был найден другой фрагмент блюда, где повторилось имя мастера-керамиста Юсифа. Отрывки надписей позволяют прочесть: «...пока с тобой труд и наука...», «...да сохранит творец мира владельца сего, где бы он ни находился...» и другие. На одном из фрагментов блюда сохранились отрывки стихотворения великого поэта Востока – Саади. Обнаруженная керамика свидетельствует о высокой городской культуре средневекового Азербайджана.

Городище Бяндован I – памятник, расположенный на рубеже суши и моря. Под водой были зафиксированы не только остатки прямоугольных в плане фундаментов домов, где были значительные скопления керамики, каменных жерновов. Фрагментарно прослеживается культурный слой, а также в двух отдельных точках на расстоянии друг от друга в 150 метров скопления печного припаса, гончарных штырей, обожженных кусков стенок гончарных печей, полуфабрика-

ты керамического производства. Очевидно, здесь располагался квартал гончаров и находились гончарные печи.

На дне моря археологический материал, остатки строений и культурный слой зафиксирован от кромки воды до 200 м в море (до глубины 1,80 см). В акватории этого побережья имеются подводные банки, где также встречается средневековая керамика. Эта часть акватории обследована недостаточно и ждет дальнейших работ.

Разведочные шурфы на берегу выявили остатки жилищ в виде глинобитных (турлучных) построек с домашними очагами и тандырами (печами для выпечки хлеба), хозяйственные ямы и ямы опорных столбов с обожженными кольями, следы арыков и сточных канавок, направленных от жилищ к арыкам. При этом обнаружено большое скопление простой и глазурованной керамики, орудия труда (каменные жернова, точильные камни – оселки), украшения из стекла, в основном браслеты, сердоликовые бусы, медные и серебряные монеты (династии Эльдегизидов, Дербенди и Хулагуидов). На городище, очевидно, кроме турлучных построек, были сооружения из камня, из обожженного кирпича (размером 24 × 24 × 5 см), обнаружены строительные облицовочные изразцовые плиты, каменные блоки.

Конец жизни городища можно датировать находками серебряных монет Хулагуидов (рассыпанных на берегу, очевидно, из клада). Среди них – серебряный дирхем, Газан Махмуд, 1297/8 г., Олджейту 1305/6 г. (определены А. Раджабли). Очевидно, этот клад был зарыт в первой четверти XIV в., перед тем как был разрушен город. Сожженный и разрушенный, он вскоре был скрыт водами Каспия.

Городище Бяндован II находится севернее городища Бяндован I в 20 км, между горами-вулканами Бяндован и Заячьей, вдоль береговой линии. Еще в начале XIX в. городище находилось под водами Пирсагатского залива. Его следы обнаружены были вдоль древней старицы р. Куры, вернее ее рукавов, разбросанных на трех участках – «А», «Б», «В».

На участке «А» произведены раскопки гончарной печи для обжига (№ 1). Эта печь врезана в склон холма. Прием такого построения не новый, он встречается в Крыму (работы А.Л. Якобсона, в раскопках печи селения Дуба-Юг (работы А.С. Каменцова), на городище с Сарайчике на реке Урал (работы Г.И. Пачевича) [Исмизаде, 1971, С. 92–103; Исмизаде, Джидди, 1965, С. 3].

Обнаруженная поливная керамика на городище Бяндован II датируется XI–XII вв. На участках «Б» и «В» обнаружено несколько очагов скопления печного шлака и бракованной посуды всех видов.

Особый интерес представляет скопления бракованных сферокусусов на участке «Б», которое предполагает на этом участке остатки печи. На некотором расстоянии было вскрыто несколько видов гончарных печей овальной и круглой формы. На городище обнаружено большое количество стеклянных браслетов разной расцветки, форм и профиля, а также бусин бисера. Археологический комплекс позволяет считать, что городище существовало в IX–XII вв. Городище Бяндован II локализуется со средневековым городом Мугань. Тем более что в створе между горами Заячья и Бяндован находится остров Санги Мугань (Свиной).

Другим интересным объектом для подводной археологии региона является акватория у мыса Амбуранского (Кегня Билгя) северного побережья Апшерона. Подводно-археологические работы в акватории мыса Амбуранского позволили обнаружить якорные камни, металлические якоря разной конструкции адмиралтейского типа, медную и керамическую посуду XVI–XVII вв. местного производства и привозную. Суда, подходившие к Апшеронскому полуострову, останавливались не только в Бакинской бухте, обходя Апшеронский полуостров, но и у селения Бильдя (Бильди, у мыса Амбуранского). С. Ашурбейли приводит письмо служащего английской компании Христофора Бэрроу, который, описывая свое путешествие по Каспию, упоминает столицу Бильди (Бильгя) недалеко от Баку, где он был в 1580 г. [Нейматова, 1991. С. 179].

Первыми подводными находками в акватории мыса Амбуранского оказались металлические якоря адмиралтейского типа. Мы их назвали Т-образные, так как у них рога-лапы располагаются под прямым углом по отношению к веретену и только носок у них слегка приподнят и заточен. Вслед за ними стали попадаться якорные камни разной конструкции. Среди них на глубине 6 метров в яме было обнаружено три якорных камня округлой формы, лежащих друг на друге. Это так называемые «нанизывающиеся» камни. Они как бусы нанизывались на колья или на конец веревки с крестовиной. Более совершенными были якорные камни с двумя и тремя отверстиями. Сквозь нижнее отверстие пропусклся деревянный кол, увеличивающий держащую силу якорной конструкции. Вес якорных камней от двадцати до восьмидесяти килограммов. Аналогичные якорные камни были обнаружены в акватории Дербента [Nəsirova, 1999. С. 83–97, Квачидзе, Велиев, 1997. С. 45–48].

Подводные поиски во время экспедиции и отдельных поездок к этому берегу давали все новые и новые интересные артефакты, сви-

детельствующие о том, что поселение Бильгя в прошлом располагалось и на нижней террасе, часть которой ныне затоплена. Под водой находили в основном предметы керамического производства, украшения, предметы быта, медную посуду и т. д. Под водой собрана интересная коллекция фаянса XVI–XVIII вв.

Кроме найденных под водой фрагментов местного керамического производства было обнаружено много предметов импортного происхождения, среди них китайский и иранский фаянс. Дело в том, что увлечение китайским «синим» фаянсом и его высокая стоимость побудили керамистов Ирана подражать китайским мастерам. Большой спрос в Европе на эту посуду заставлял иранских керамистов, уровень которых в этот период был значительно выше европейских, изготавливать фаянсовую посуду «под Китай» и вывозить ее в европейские страны. Особенное развитие такой иранский фаянс получил в период правления династии Сефевидов. Изготовлением керамики в китайском стиле прославились такие керамические центры, как Керман, Кашан, Иезд, Мешхед.

Однако подлинный китайский фаянс все же отличается едва заметными особенностями, прежде всего плотностью черепка, а также художественной китайской традицией. Фрагменты обнаруженного китайского фаянса, расписанные синей краской – кобальтом, разнообразны по мотивам росписи. Блюда и чаши декорированы сложным переплетением растительно-геометрического орнамента, а внутри них – пейзажные мотивы со скалами, разнообразными растениями, птицами и животными. На одном из фрагментов изображена черепаха у водоема. Любопытен сюжет на одной из стенок вазы, изображающей две фигуры человека в китайских одеяниях и с китайским типажом лица. Большие фрагменты блюд в стиле селадон резко отличаются от тех, что выполнены в подражание китайским. Здесь обнаружено также подлинное целое селадоновое блюдо.

Как известно, в Европе подобные блюда пользовались особым спросом, так как бытовала легенда о том, что оно, изменяя светло-зеленый цвет, обнаруживает тем самым в пище яд.

За одной из подводных гряд, справа от мыса Амбуранского были зафиксированы останки затонувшего судна. На глубине 8–9 метров были обнаружены железные ножи, серебряный ковш и другие предметы. Серебряный ковш и ножи были замурованы в каменной глыбе – конкреции. И только отбив эту каменную оболочку из песка, ракушек и небольших камней, можно было освободить сами предметы. Находкой оказался серебряный корчик, или ковш новгород-

ской работы, датируемый концом XVI – началом XVII в. Новгород, крупный центр ювелирного искусства, был родиной новой формы драгоценной посуды – золотого и серебряного ковша, ставшей затем повсеместной в России. Стиль новгородских серебряников отличает сочетание лаконичных традиционных форм с деталями, навеянными западноевропейским ювелирным искусством. Корчик, обнаруженный на дне Каспия, представляет собой образец именно этой школы и аналогичен с корчиком из Государственного Исторического музея в Москве.

Он представляет собой сосуд овальной формы с литой ручкой, на которой мы видим маскорон – изображение полнолицего человека в парике. Ковш орнаментирован полосами, имеет граненый поддон с ножками в виде трех стоящих львов. Внутри ковша имеется круглая бляха – умбон, на котором возлежит еще один лев с поднятой головой и загнутым хвостом. По венцу сосуда нанесена надпись: «Ковш добра человека испитие» на одной стороне, а на другой, обломанной, сохранилась концовка надписи «...веселие». Подобные надписи также являются особенностью новгородских серебряников. С внешней стороны корчик украшен растительным орнаментом, покрыт позолотой. Перед нами прекрасное произведение ювелирного искусства средневековой Руси, в котором сочетаются изысканность и простота, строгость и спокойствие формы, правильные пропорции и соотношение частей и целого.

Большой интерес из поднятых у гряды предметов представляют железные ножи, обнаруженные, как и ковш, в окаменевшей конкреции. Железные ножи, очевидно, были товарным грузом, о чем свидетельствует их количество и упаковка. Это небольшие, размером 18 см, с однолезвийным клинком ножи с деревянной обкладкой рукояти, которая с торца имеет характерную накладку – бронзовый щиток. Деревянные накладки рукояти в четырех местах имеют железные заклепки. Длина рукоятей ножей от 7 до 8 см. У перехода от рукояти к лезвию, где она сужается, имеются бронзовые ограничители вставки в виде обоймы. Ножи по паре были вложены в кожаные ножны. На сохранившихся частях ножен заметно орнаментальное тиснение по коже.

Аналогичные железные ножи с характерным накладным щитком с торца рукояти известны в материалах раскопок в Москве и Сухуми [Квачидзе, 2001. С. 116–124, рис. 39; Квачидзе, 2005. С. 256]. Железные ножи, обнаруженные у мыса Амбуранского, можно датировать концом XVI в. – началом XVII в. Очевидно, ножи изготовлялись в Воло-

где, которая славилась производством топоров и ножей, а продукция вологодских ремесленников «шла не только на широкий внутренний рынок, но также и на внешний» [Квачидзе, 2000. С. 203]. Топоры и ножи относились к числу важнейших предметов вывоза.

В 1595 г. с кызылбашским купцом Али Хосровым «пошло из Москвы» 200 «тахилей» ножей; в 1601 г. «для шаха Аббаса было куплено 1½ бочки ножей». Вышеперечисленные артефакты, обнаруженные на затонувшем русском судне у мыса Амбуранского, подтверждают наличие торговых связей России с Азербайджаном в XVI–XVII вв., которые приобрели постоянный характер. В этот период, когда уровень Каспийского моря был низким, у мыса Амбуранского находился порт-стоянка, куда приставали купеческие суда – *бусы, струги*. Акватория вокруг мыса Калагя и Амбуранского представляется нам перспективной для дальнейших подводно-археологических исследований.

В 1987 г. Музей истории Азербайджана проводил подводно-археологическую экспедицию в акватории Апшеронского архипелага между островами Пир-Аллахи, Жилой, у мыса Гюргян. В задачу экспедиции входило обследование и подводные поиски нового района побережья Каспия и акватории островов Апшеронского архипелага. Этот район представляет особый интерес, ибо является древнейшим морским проходом, огибающий северо-восточную оконечность Апшеронского полуострова с выходом к Бакинской бухте.

Еще до сооружения дамбы, соединяющей остров Пир Аллахи с Апшеронским полуостровом, между ними проходил морской транзит, и по нему проходили даже танкеры. У построенной дамбы когда-то находился карантин судов и таможенная служба. Этим путем пользовались, очевидно, мореплаватели и в древности, и в средние века. В 1950-х гг. у побережья мыса Гюргян Г.М. Аслановым в прибойной зоне были обнаружены археологические материалы, датированные XI–XII веками [Fərhadoglu, 2006. С. 191–201]. При строительстве дамбы были вскрыты погребения, обследованные И.М. Джафарзаде. Особое внимание в ходе раскопок привлекла бронзовая стрела скифского образца, найденная в одной из раскопанных могил. По заключению И.М. Джафарзаде, воин, погребенный в этой могиле, принимал участие в битве против скифов, вторгшихся на территорию Азербайджана через Каспийский проход в VII в. до н. э., и был поражен этой стрелой, наконечник которой слегка погнулся от удара [Квачидзе В.А., 2003. С. 83].

Подводные работы были начаты с поиска подводного клифа, перепада глубин, где у предлагаемой древней береговой линии намечалось обследовать остатки поселения Гюргян. Вдоль этой линии изобат были выставлены на расстоянии 500 м три буй. От них были произведены поиски способом «круг». В сторону берега дно оказалось покрытым на значительную глубину ракушкой и песком; за линией изобат начинается неровное с перевалами дно, сильно поросшее водорослями и морской травой. Вся эта полоса располагается примерно в 2 км от современной береговой линии мыса Гюргян. Затем поиски были перенесены в зону побережья. За красным буюм у мыса Гюргян был установлен контрольный базовый буй, и от него по компасу произведены поиски на 250 м на север и на такое же расстояние на юг, а также поиски по направлению к берегу. Под водой севернее красного буя был обнаружен затонувший киржим. Фрагменты простой и глазурованной посуды начинают встречаться ближе к берегу.

В результате этих работ со дна были подняты фрагменты тонкостенных красноглиняных сосудов, большая часть поверхности которых была окрашена в красный и коричневатобурый цвет, имеет ребристую поверхность со следами концентрического лощения в виде линий. В основном это остатки небольших кувшинчиков. В них заметна традиция античной и раннесредневековой керамики, и они имеют аналогии с бакинской крашенной керамикой, обнаруженной в Ичери Шехер в Баку, датируемые XI – началом XIII в.

Необходимо отметить, что после сооружения дамбы в 40-х гг. XX в. акватория у побережья мыса Гюргян из абразионной становится аккумулятивной зоной. И этим можно объяснить, что остатки поселения Гюргян оказались перекрыты наносами и новыми отложениями, скрывающими следы памятника. И только в прибрежной полосе, где происходит частичная абразия от прибоя, вскрывается незначительная часть культурного слоя, из которого вымывается керамика.

Акватория Апшеронского архипелага скрывает под водой несколько десятков затонувших кораблей. На карте Каспийского моря с указанием кораблекрушений за время с 1873 по 1898 г. указано около 60 судов, подвергшихся крушению вокруг этого архипелага.

Памятник «Баил Гесри» расположен в Бакинской бухте. Сооружение в Бакинской бухте с XVIII в. привлекало к себе внимание многих исследователей. В «Морской географии Каспийского моря или лоции» Н.М. Филиппова караван-сарая посвящены следующие строки: «Близ Баилова мыса видны над водой несколько камней, из которых некоторые представляют остатки разрушенных круглых башен, дру-

гие просто глыбы камня, занесенного тинной, а все вместе – что-то вроде здания, изогнутого к востоку. Эти подводные развалины считают остатками бывшего здесь когда-то караван-карая, потопленного водой (по Ленцу) или разрушенного землетрясением (по Ханыкову, Эйхвальду и др.). Бакинские жители называют эти развалины “Баиловскими камнями”, другие говорят, что на этом месте погиб город Шах-Бах. Во всяком случае, развалины эти можно приписать времени построения Девичьей Башни, т.е. к XIV веку» [Ибрагимов, 2008. С. 119].

Первые исторические сведения о существовании камней караван-сарай, Баил гесри, относятся к началу XVIII столетия. В описании Бакинской бухты Ф.И. Саймонова, относящемся к 1723 г., значится: «В Бакинском заливе, две версты от города к югу, видны на четыре сажени глубины остатки большого каменного строения, которого хотя большая часть уже и развалилась, однако в некоторых местах выше воды знаки есть. Сказывают, что то был караван-сарай, который в старину стоял на твердой земле и землетрясением поглощен морем» [Исмизаде, 1966].

Все исследователи уделяли такое внимание к этому памятнику, поскольку он является для них надежным репером, по которому можно судить о состоянии уровня воды в Каспии в различные эпохи.

Первые археологические работы были проведены в 1938–1940 гг., затем продолжены до 1969 г. К вопросам исследования данного памятника обращались археологи И. М. Джафарзаде, Е. А. Пахомов, О. Ш. Исмизаде, а также специалисты по эпиграфике М. С. Нейматова и С. Насирова, архитекторы Л. С. Бретаницкий, И. П. Щеблыкин, Д. А. Ахундов и другие.

Были подняты на поверхность наиболее ценные фрагменты древнего сооружения – 636 фризовых плит, украшенных рельефными надписями, плетеным орнаментом, изображениями человеческих лиц, четвероногих птиц и неведомых фантастических существ. При этом большинство этих плит оказалось в прекрасном состоянии. На пяти из них Е.А. Пахомов обнаружил дату их изготовления – 630 и 632 гг. хиджры (1234–1235 гг.).

Пятьдесят восемь фризовых плит с исключительно хорошо сохранившимися, четкими письменами и рисунками лежали лицевой стороной вниз. Благодаря этому они почти не пострадали от многовекового воздействия морской среды, были подняты водолазами экспедиции, руководимой О. Ш. Исмизаде [Исмизаде, 1966. С. 277–285].

На плитах сохранились имена мастеров Зейн-аддина бин Абу-Рашида и Абу Рашида бин Зейн-ад-динна, работавших над этим уникальным сооружением. Памятник представляет собой уникальное сооружение, построенное на каменной плите-островке. Мощные каменные стены толщиной около 1,2–1,8 м соединяют круглые и полукруглые башни между собой. Имеется 15 башен, из которых две южные угловые и северо-западная угловая по форме круглые, внутри полые, остальные 12 башен – полукруглые. В кладках фундаментов стен и башен ниже цоколя расположены большие камни с ушками круглой и четырехугольной формы, которые использовались, очевидно, для привязывания стоящих у причала кораблей. Доступ в сооружение был с двух сторон; с южной и северо-западной.

Обращает на себя внимание и то, что строительство данного памятника, вероятно, не было завершено. Ни один из вышеперечисленных авторов не свидетельствует о том, что плиты-фризы с рельефными изображениями и надписями были обнаружены на стенах и башнях сооруженной крепости. Все они находились у подножья крепостных стен. Кроме того, найдены плиты с незаконченными рельефами, с намеченным рисунком. И, наконец, если бы этот памятник был завершен, об этом, несомненно, имелись бы свидетельства современников.

На недостроенность памятника «Баил Гесри» могли повлиять военно-политические события того времени, а также наблюдаемый в конце XIII – начале XIV в. значительный подъем уровня Каспийского моря. В результате этой трансгрессии Каспия были затоплены и другие памятники: Абескун (на юге Каспия, Иран), Дербентская стена, городище Бяндован I и II, часть селения Бильгя (нижняя терраса), селения Дюбенди и Туркяны (Абшерон), поселение у порта Атау (восточное побережье). Известно, что в очередной регрессивный период Каспия в конце XVI – начале XVII в. памятник вновь вышел из-под воды. В это время он мог продолжать использоваться, так как сохранялись крепостные стены. К этому времени можно отнести обнаруженную О.Ш. Исмизаде курительную трубку, а также перестройку некоторых сооружений внутри памятника. «Кладка внутренних сооружений отличается относительной небрежностью, и стены выведены из мелкого плохо тесанного камня на значительно более слабом растворе, толщина их не превышает 60 см и, возможно, что если не все, то, во всяком случае, часть из них относится к более позднему времени» [Алиев, 2007. С. 24, 64]. Тем не менее, вопрос о предназначении Баил Гесри окончательно не решен.

Недалеко от памятника «Баил Гесри» в 1983 г. в ходе работ по углублению дна были обнаружены остатки русского судна, затонувшего в начале XIX в. О находке было сообщено в Музей Истории Азербайджана. Производить подводные работы в воде с маслянистой нефтяной массой было невозможно. Содержимое ковшей рабочего оборудования просеивалось вручную. Было поднято около 10 тысяч медных монет – «пятаков», спекшихся в столбцы. Среди них были экземпляры отличной сохранности с четкими изображениями российского герба, вензелей Елизаветы, Екатерины II, Павла I. Часть монет была сильно расплавлена, некоторые насквозь прожженные. Все это свидетельствовало, что на русском судне, стоявшем на рейде в бакинской бухте в начале XIX в., произошел взрыв и пожар, после чего судно затонуло, захоронив «клад» русских медных монет. Вместе с монетами находились посуда, флакон духов, бутылки, обрывки обуви. Одна бутылка имела рельефный штамп русского герба и под ним в две строчки надпись: «А.М. Жуков, С.Петербург».

Из случайных артефактов, обнаруженных на дне Каспия, представляет интерес находка эфеса меча у мыса горы Заячь, датированного VIII–VII вв. до н. э.; а также находка на острове Санги-Мугань антропоморфного изваяния, изображающего голову человека. Высота изваяния 10,5 см, ширина 4,4 см, глубина 7,5 см. Неглубокими желобчатыми линиями выделены все части лица. Хорошо показаны округлые, четко выделяющиеся щеки, нос, губы и рот. Глаза округлены. Подобная находка на территории Азербайджана и сопредельных с ним стран является уникальной. В одной из статей В. Студзинской опубликованы находки каменных пестов из поселения Самусь IV Урало-Сибирского региона, относящихся к эпохе бронзы. Они имеют явное сходство с находкой с острова Санги-Мугань, передающей черты лица именно в традиционной манере, характерной для Уральско-Сибирской антропоморфной скульптуры [Квачидзе, Велиев, 1997; Саймонов, 1763. С. 137].

Подобные изображения эпохи бронзы исследователи связывают с культом плодородия и культом предков, которые органически связаны между собой – это покровители рода, семьи. Найдка с острова Санги-Мугань, без сомнения, имеет непосредственную связь с памятниками малой формы из Урала Западносибирского региона и предполагает существование в древности пути, связывающего Урал и Сибирь с Закавказьем.

Вышеперечисленные памятники у азербайджанского побережья были обследованы частично и ждут дальнейшего исследования.

В заключение хочется сказать: «Археологи, учитесь нырять, будущее вашей профессии под водой!»

Список литературы

Алиев Ш. Административные карты территории Азербайджана и их изменения за период 1813–1970 гг. (исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в.): Сб. статей. Баку, 2007.

Джафарзаде И.М. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте // Изв. АН Азерб. ССР. № 7. Баку, 1947. С. 9–11.

Ибрагимов К.Ф. Гидроархеологические памятники Каспийского моря и Баку. Баку: 2008. С. 137–138.

Исмизаде О.Ш. Крепостное сооружение в Бакинской бухте // Сов. археология. 1966. № 1. С. 277–285.

Исмизаде О.Ш., Джидди Д.А. Новые данные о двух средневековых крепостных сооружениях города Баку // Докл. АН Азерб. ССР. 1965. Т. XXI. № 12. С. 66–71.

Исмизаде О.Ш. Археологические раскопки 1969 г. в Баил Гесри // Изв. АН Азерб. ССР (Баиловский замок). 1971. № 2. С. 69–71.

Квачидзе В.А. Подводная экспедиция на городище Бяндован // Археол. открытия 1975 г. М., 1976. С. 501–502.

Квачидзе В. Апшеронский порт Бильгя на международных морских торговых путях Каспия // Роль Баку в международных многосторонних взаимосвязях Азербайджана: Сб. материалов III Бакинского междунар. симп. Баку: Элм, 1997. С. 134–137.

Квачидзе В.А., Велиев С.С. Периодичность изменения уровня Каспийского моря в историческое время // Докл. АН Азерб. 1997. № 1. С. 112–115.

Квачиде В.А. Скульптурное изваяние малой формы с острова Санги Мугань // Археология и этнография Кавказа: Междунар. науч. конф. Б.м., 2000. С. 136–137.

Квачидзе В. Изобразительное искусство средневековых керамистов Азербайджана (по материалам городища Бяндован I) // Jurn. Azərbaycan arxeologiyası. 2000. № 1–2. S. 30–34.

Квачидзе В. Подводные археологические исследования Музея Истории Азербайджана (к 30-летию начала работ) // Azərbaycan tarixi muzeyi-80. Bakı, 2001. S. 50–57.

Квачидзе В.А. Подводно-археологические работы в акватории Апшеронского архипелага и у мыса Гюргян // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. Bakı, 2003. S. 143–147.

Квачидзе В. Гончарное производство на городищах Бяндован I, Бяндован II (Печи и производственный брак) // 2003–2004-cü illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafın tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları. Bakı, 2005. S. 92–103.

Квачидзе В.А. «Баил Гесри» – средневековый памятник в Бакинской бухте // Azərbaycan antik və orta əsr arxeologiyası problemləri. Bakı, 2006. S. 133–136.

Квачидзе В.А., Велиев С.С. Периодичность изменения уровня Каспийского моря в историческое время // Докл. АН Азерб. 1997. Т. LIII. № 1.

Мамедов А.В. Велиев С.С. Колебания уровня Каспийского моря в историческое время // Изв. АН Азерб. ССР. 1980. № 5. С. 33–38.

Нейматова М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Баку, 1991. Т. 1.

Пахомов Е.А. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте // Изв. Аз. ФАН СССР. 1940. № 6. С. 116–119.

Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. 1763 г. (Р – 1440. Библиотека НАНА). СПб, при Императорской Академии наук, 1763. 380 с.

Fərhadoglu K. Bakı İçərişəhər. (Tarixi-arxeoloji tədqiqat) II c., Bakı: Şərq-qərb, 2006.

Nəsirova S.Ə. Bayıl qəsri. Bakı: Işıq, 1977. 22 s.

Nəsirova S.Ə. Səbailin sirri // Azərbaycan arxeologiyası jurn. № 1–2. Bakı: Xəzər Universiteti, 1999. S. 14–18.